«Мне странно, что у моих сыновей нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть...»

29 января в телепрограмме «Итоги» депутат С. А. Ковалев, воюя против патриотизма, попытался зачислить в свои «союзники» Пушкина (о нелепости этой попытки я писал на страницах «РГ» 31 января), а затем и Льва Толстого. По словам депутата, великий русский писатель будто бы отверг патриотизм, сочинив известное изречение: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Перед нами, во-первых, печальное проявление недостаточной культуры, ибо действительно образованные люди (да и просто внимательные читатели сборников «крылатых слов») знают, что сей афоризм принадлежит выдающемуся деятелю английской литературы XVIII века Сэмюэлю Джонсону (он же автор и другого знаменитого изречения — «Благими намерениями вымощен ад»).

Но об афоризме Джонсона еще пойдет речь; обратимся к Толстому. В старости автор созданной им в пору творческого расцвета и насквозь проникнутой патриотизмом

эпопеи «Война и мир» в самом деле не раз «отрицал» патриотизм. Но его высказывания этого рода можно правильно понять только в свете всей целостности его, толстовского, Учения. Между тем, как это ни прискорбно, и единомышленники депутата С. А. Ковалева, и — в равной мере — те или иные патриотически мыслящие люди произвольно вырывают из по-своему грандиозной «программы» толстовства отдельную, не имеющую первостепенного значения и совершенно непонятную вне целого частицу (так, Толстого осуждал за «антипатриотизм» Валентин Распутин).

Учение Толстого представляет собой полное «отрицание» цивилизации во всех ее проявлениях. В качестве идеала выступает в этом учении естественная жизнь природы, где нет никаких общественных установлений и отношений. Толстой «отрицал» любые формы государственности и церкви, любые гражданские и правовые институты, усматривая в них только порабощение истинной

сущности человека и народа и нестерпимую фальшь.

Конечно, это тотальное отрицание цивилизации было только нравственным императивом, этической утопией.

Стремясь быть последовательным, Толстой выступал и против русского патриотизма — в том числе и против своих собственных патриотических устремлений. Он на-

Окончание на 2-й стр.

«Мне странно, что у моих сыновей нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть...»

Россе. газета. - 1995 - 4 февр. - е. 2.

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

писал однажды, что «держит в узде» свой патриотизм. Но надо прямо сказать, что в действительности творцу «Воины и мира» это не очень уж удавалось...

20 декабря 1904 года японские войска захватили Порт-Артур, который Россия с 1898 года арендовала (а не захватила) у Китая. Толстой погрузился в тяжелые раздумья и через месяц, 30 января, высказался так:

«Мне странно, что у моих сыновей (а эти сыновья — банковские и земские служащие — разделяли господствовавшие тогда либеральные умонастроения. — В. К.) нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть... Падение Порт-Артура мне было больно». 5 февраля Толстой вновь с горечью говорит о сдаче Порт-Артура: «...я вижу молодых людей, которым это ничпочем... В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать».

Итак, Толстого глубоко взволновала та утрата патриотизма, которая к 1905 году была порождена в молодом поколении постоянной революционной и либеральной пропагандой. Эта утрата во многом определила трагедию 1917 года. И если бы Толстой дождал до краха русского государства, он, по всей вероятности, перестал бы стремиться «держат в узде» свой патриотизм...

Ведь даже беззаветный либерал Короленко, много лет неустанно «обличавший» русский патриотизм, записал 23 июля 1917 года: «Теперь много ошибок уже создано, и из них главная: непризнание важности «отечества». Загниотившие пошлостью расхожего «патри-

тизма», мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платить».

А всего через три месяца, 1 ноября 1917 года, Короленко возмущался даже и утраченной «расхожего» патриотизма «темной массы»: «Большевики, — писал он, — уже так нашколили эту темную массу на «интернациональный» лад, что слово «родина» действует на нее, как красное сукно на быка».

Следовало бы только Владимиру Галактионовичу не сваливать всю вину на большевиков; его собственная роль в этом «нашколивании» была очень и очень значительной, и многие еще и сегодня продолжают его «традицию» (отвержение патриотизма во имя ценностей «единого человечества»), стараясь не обращать внимания на горестное «прозрение» Короленко после февральской катастрофы...

Но пора вернуться к депутату С. А. Ковалеву. Из вышеизложенного, по-видимому, ясно, что у него не было оснований причислять к своим «союзникам» Толстого. Да, Лев Николаевич выступал, в частности, и против патриотизма. Но это определялось его учением в целом, которое никак не соответствует «позициям» депутата.

Вообще представители демократической идеологии западного типа, если они ведут себя честно, не могут опираться на Толстого. Именно честно повел себя еще при жизни Толстого демократический Нобелевский комитет, отказавшийся присудить Толстому — величайшему писателю эпохи! — свою широко рекламируемую премию, поскольку убеждения Льва Николаевича были чужды и враждебны западным демократическим идеалам (этот скандинавский комитет также честно отказался тогда присудить премию и самому выдающемуся писателю всей Скандинавии — Генрику Ибсену — опять-таки из-за его антидемократических, хотя и совсем иных, чем у Толстого, убеждений).

И нынешние демократы в России, если они честны, никак не могут сослаться на Толстого...

на конституцию — это такой же вздор, как если бы предложили вместо православия пашковство или скопчество» (то есть вздорные религиозные секты).

Словом, негоже С. А. Ковалеву брать в союзники Льва Николаевича Толстого!

В заключение необходимо сказать о едва ли не самом главном. В суждениях депутата С. А. Ковалева и его единомышленников патриотизм явно толкуется как своего рода пережиток, реликт давних времен, сохранившийся к их прискорбию, чуть ли не в одной только России. Между тем дело обстоит прямо противоположным образом: именно в России сегодня — как и в начале века — патриотизм чрезвычайно ослаблен в сравнении, скажем, с теми же США.

И «кризис» патриотизма с исключительной яркостью выражается в том, как понимают изречение «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Произнося его с телеэкрана, С. А. Ковалев явно был уверен, что все увидят в этом дискредитацию патриотизма. И, увы, многие понимают это изречение именно так...

Сам его автор, Джонсон, в этом ничуть не виноват. Он был убежденным консерваторм (членом правого крыла партии тори) и беззаветным патриотом Великобритании. И смысл его афоризма, как говорится, однозначен. Негодяй, то есть субъект, готовый на все ради своих корыстных вожделений, плюющийся на интересы Отечества, оказавшись в безвыходном положении, неожиданно пытается изобразить из себя патриота, кощунственно заявляет о своей мнимой преданности Отечеству. Точно так же на пороге смерти самые безбожные, самые бесовские людишки нередко вспоминают о Боге, но разве это бросает тень на Него?!

И, между прочим, если исходить из «логики» С. А. Ковалева, следует проклясть не только патриотизм, но и любые «благие намерения», ибо, согласно другому известному афоризму того же Джонсона, ими «вымощен ад»...

Словом, насколько же замутненное, даже отравленное сознание надо иметь, чтобы усматривать в изречении